

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Источники первоначальной истории раскола

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 9-10. С. 577-602.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Источники первоначальной истории раскола.

Продолжая печатаніе источниковъ для исторіи первыхъ временъ раскола, считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько словъ къ помѣщаемымъ въ настоящемъ номерѣ „Христіанскаго Чтенія“ памятникамъ.

Первый изъ этихъ памятниковъ заимствованъ нами изъ упомянутого въ 5—6 № „Христ. Чтенія“ сборника библіотеки Казанской духовной академіи подъ № 1679 (109). „Житіе протопопа Аввакума“ уже два раза было напечатано (сперва г. Тихомировымъ, затѣмъ г. Субботинимъ), но списокъ Казанской духовной академіи имѣетъ очень много отличій сравнительно съ изданными. Въ виду этихъ отличій мы и рѣшаемся напечатать подробное его описаніе, причемъ сравниваемъ нашъ списокъ съ изданіемъ г. Субботина. Казанскій списокъ имѣетъ довольно обширное предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, упоминается какая-то Марія Пименовна. Кто она и ея мужъ, которому послано было „Житіе,“ намъ неизвѣстно. Много интересныхъ подробностей сообщаетъ Аввакумъ о своей сибирской жизни и о сидѣніи въ темницѣ. Въ настоящемъ списокѣ есть нѣсколько новыхъ, довольно характерныхъ чудесъ. Интересны, наконецъ, варианты разсказовъ о казни Лазаря, Елифація и Федора и о „просвирѣ никоніанской“ (последній разсказъ обыкновенно находится въ посланіи Аввакума къ Маремьянѣ Федоровнѣ).

Слѣдующіе два документа извлечены нами изъ столбцовъ сибирскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ № 6554, 509, заключающихъ въ себѣ дѣло по просьбамъ разныхъ чиновъ людей на воеводъ Федора Палибина и Аванасія Пашкова въ учиненныхъ имъ обидахъ“. Дѣло это представляетъ очень много интересныхъ данныхъ для характеристики

Пашкова, подтверждающих отзывъ о немъ Аввакума, сдѣланный въ „Житіи“. „Аеонасей Пашковъ, жалуются на него разныхъ чиновъ люди, въ енисейскомъ острогѣ старинныхъ прежнихъ связіе избы подъячихъ билъ и мучил и отъ подячества отставил, а подъячево Обросника Кузмина въ тюрьму въ заключеніе посадилъ и на пыткахъ пыталъ и животы ево всё себѣ поимал и в тюрьмѣ держит в напрасне. Да онъ же Аеонасей Пашковъ человѣка своего безъ государева указу казил“. Еремѣй Толстой жаловался, что „Пашковъ его въ тюрьмѣ и по приказомъ мучил въ желѣзахъ и на правожѣ. Вымучил на немъ Еремѣй и на женѣ іво денегъ съ своими потаковщиками с Ондриушкою да с Олешкою покленными исками 5045 р. да 4 анбара хлѣба, а хлѣбъ з гумна въ тѣ анбары пошелъ не жѣря, и того ево хлѣба в прошломъ во 160 годѣ объявилось въ Туруханскомъ зимовьѣ 4 дощеника. А животовъ его Аеонася Пашкова неправедного собранья есть тысячь съ 50 и больши съ вывозными животы, а неправды его Аеонасьевы и всякое насильство вѣдаютъ“... По государеву указу приказано было дать Еремѣю Толстому очную ставку съ Пашковымъ и сдѣлать повальный обыскъ. но Пашковъ, какъ сообщаетъ енисейскій воевода Иванъ Акинеовъ. не послушалъ государева указу, на очную ставку не явился, обыскнымъ людямъ грозилъ разными муками, если они на него что-нибудь покажутъ, а нѣкоторыхъ старался подкупить. Въ Енисейскѣ Пашковъ принуждалъ старицъ дѣвичья Рождественскаго монастыря подписать челобитную на Ивана Акинеова, не читая ея; тѣхъ старицъ (старичу Прасковью), которыя требовали ея прочтенія, онъ велѣлъ взять изъ монастыря, „билъ по щекамъ своими руками и пыталъ ее у себя на дворѣ, невѣдомо въ какомъ дѣлѣ“. Енисейскаго соборнаго попа Игнатія Пашковъ велѣлъ „полчаномъ своимъ, на улице бивъ на смерть, притащить къ себѣ передъ окошко и поругався лаялъ ево, и велѣлъ с него однорядку ободравъ, бить батоги и увидѣвъ онъ Оеонасей, что тотъ поплъ Игнатей и такъ на смерть бить велѣлъ ево отпустить“. Извлеченные нами изъ этого дѣла документы важны тѣмъ, что подтверждаютъ показаніе Аввакума о наказаніи его Пашковымъ.

Предисловіе л. 1.

По благословенію отца моего старца Епифанія писано моею рукою грѣшною протопопа Аввакума, и аще что речено просто, и вы, Господа ради, чтущіе и слышашіе, не позарите просторѣчію нашему, понеже люблю свой русской природной языкъ, виршами философскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словесъ красныхъ Богъ слушаетъ, но дѣлъ нашихъ хочетъ. И Павелъ пишетъ: аще языки человѣческими глаголю и ангельскими любви же не имамъ—ничто же есть. Вотъ что много разсуждать; не латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже инымъ коймъ ищетъ отъ васъ говоры Господь, но любви съ прочими добродѣтелями хочетъ; того ради я и не бегу о краснорѣчїи, и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня грѣшнаго, а васъ всѣхъ рабовъ Христовыхъ Богъ проститъ и благословитъ, аминь.

л. об. Крестъ всѣмъ воскресеніе.

Крестъ падшимъ исправленіе, страстемъ умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крестъ душамъ слава, и свѣтъ вѣчный, аминь.

Многострадальный юзникъ, темничной горемыка и нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопопъ Аввакумъ повуженъ бысть житіе свое написать отцемъ его духовнымъ инокомъ Епифаніемъ, да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе, аминь.

л. 2. *Поученіе преподобнаго отца нашего аввы Дорофея о любви.*

Потщитесь соединитися другъ другу, елико бо соединяется кто искреннему, толико соединяется Богови, и реку вамъ припадъ отъ отца, да познаете силу слова.

Положи ми кругъ быти на земли, якоже начертаніе иѣное обло, отъ прохожденія остна, глаголетжеся свойственнѣ остень. еже посреднее друга, даже до остна положите убо умъ вашъ во

глаголемое, сей кругъ разумѣйте ми быти миръ—самое же еже посреде круга Бога, стезя же яже отъ круга идущая и до среды путія, сирѣчь житія человѣческаго, поелику убо входятъ святіи къ средѣ, желающе приблизитися Богу по равенству входа близъ бываютъ и Бога, и другъ другу, и елико приближаются Богу, приближаются и другъ другу, и елико приближаются другъ другу, приближаются и Богови. Такожде разумѣйте и отлученіе: еда бо отставятъ себе отъ Бога и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть яво елико исходятъ и удаляютъ себе отъ Бога, толико удаляются другъ отъ друга, и елико удаляются другъ отъ друга, толико удаляются и отъ Бога; се таково есть естество любве, по елику убо есмь внѣ и не любимъ Бога, по толику и мамы отстояніе каждо ко искреннему. Аще ли же возлюбимъ Бога, елико приближаемся (л. 3) къ Богу любовію яже къ нему толико соединѣваемся любовію къ ближнему, и елико соединѣваемся искреннему, толико соединѣваемся Богу. Богъ да сподобитъ насъ послушати полезная намъ и творити я, а не гнѣватися другъ на друга, ниже яритися.

(л. 4). Богъ любви есть и пребываая въ любви—въ Божѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ. Апостолъ рече: «сообщааяся Богу—прилѣжитъ и о братѣ; ненавидай брата—чюждъ Бога и жилище бѣсомъ. Богъ вселиется въ любовнова чловѣка чювствомъ небеснымъ, и таково тѣло домъ Божи бываеъ». По святому Ефрему: «а идѣже Господь Богъ, ту и чини святыхъ ангеловъ стужаютъ владыки; живець братія угодно Богу, да со ангелы Христось Богъ въ насъ обитаетъ. Аще криво живу—исправте мя, аще по воли Божи—благодать Богу о несповѣданомъ его дарѣ». Вотъ вамъ питомивамъ церковнымъ предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ. Авва Дорофей описалъ же свое житіе ученикам своимъ, понуждая ихъ на таяжде—поученіе 4, (л. об.), листъ 49,—я такожде убѣждаю вашу любовь о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, сказываю вамъ дѣлая мною непотребнымъ рабомъ Божиимъ о святѣмъ душѣ со отцемъ и сыномъ Богу благодареніе во вѣки.

Вотъ тебѣ чадо мое возлюбленное книга живота вѣчнаго; поминай мя въ молитвахъ своихъ и старца не забывай Епифанія. Я писалъ, а онъ мнѣ молитвами помогалъ; надъ всѣмъ же симъ. благословить тя Господь, и Марію твою Пименовну, и чадъ нашихъ, и снохъ, и внучатовъ, и сродницовъ, и знаемыхъ, и други, и другини, и вся васъ любящія, еще же да будетъ всякъ благословляяй тя—благословенъ, и проклинаяй тя—проклятъ; и да подастъ ти Господь отъ влаги земныя, и отъ росы небесныя

свыше, и множа да умножить (л. 5) въ дому твоёмъ всякія красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхихъ, и ветхая отъ лица новыхъ изрините, сирѣчь всего изобильно и съ остатками; дай вамъ Господи и хлѣба, и мнса, и рыбы, отъ женъ да ядятъ сѣи хлѣбы священныя. Виждь архіерей сестру чистоту и еросу знаменова, и ясти брашно священническо повелѣ по нуждѣ алчущимъ отрокомъ Давидовымъ. Давидъ же яде, благодаря яко попь. Колми же нынѣшняя наша нужда належитъ хотящимъ спастися, нужно намъ тайнство то получать истинное, а прочія тайны мощно и простолюдину совершить. Есть и писано: не всехъ рукополагаетъ духъ святой, но всѣми дѣйствуетъ о Христвъ Іисусъ Господь нашемъ, ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь.

Далше съ л. 5 об. до л. 14 до словъ: «и на дорогу хлѣба не даль» *тоже, что въ Мат. т. V, стр. 1—13.*

Затѣмъ л. 14.

Въ то же время родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ сидитъ съ матерью и зъ братомъ въ землѣ законанъ; авъ же взявъ влюгу, а мать неврещенова младенца пошли зъ братьею и зъ домочадцы, аможе Богъ наставитъ, а сами пошедь загляди божественныи пѣни, евангельскую стихѣру болшимъ распѣвомъ: «на гору ученикомъ идущимъ за земное вознесеніе предста Господь и поклоняшася ему», всю до конца, а предъ нами образъ несли. Пѣвцовъ въ дому моемъ было много, поюще со слезами на небо взираемъ, а провождающіи жители того мѣста—мужи, и жены, и отрочата, множество народа съ рыданіемъ плачуще и сокрушающе мое сердце,—далече насъ провожали (л. об.) в поле. Азъ же на обычномъ мѣствъ ставъ и хвалу Богу воздавъ, поученіе прочеть и, благословя, насыду въ домъ ихъ возвратилъ, а зъ домашними впредь побрели, и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филиппъ древле.

Далше л. 14 об. до л. 17 об. до словъ: «много о тѣхъ козняхъ говорятъ», *такъ же, какъ въ Мат. т. V, стр. 13—17.*

А затѣмъ: л. 17 об. Царь его на патріаршество зоветъ, а онъ бытто не хочеть, мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладываютъ какъ чему быть; и много пружавси со діаволомъ взошелъ на патріаршество, Божиимъ (л. 18) поущеніемъ укрѣпи царя своимъ кознованіемъ и клятвою лугавою. Егда бысть патріархомъ, такъ насъ и въ крестовую не сталъ пускать, а се и ядъ отрыгнулъ. Въ цостъ великой присладеъ память казанскому протопопу Ивану Неронову, а мнѣ былъ отецъ духов-

ной; я все у него и жилъ въ пещери, егда вуды отлучится, ино я вѣдаю церковь и къ мѣсту говорили на дворець во Спасу, да я не порадыл или Богъ не изволилъ. Народу много приходило къ Казанской; такъ мнѣ любо — поученіе читалъ безпрестанно, лише о братіяхъ родныхъ духовнику поговорилъ, и онъ ихъ зверху у царевны, а инова при себѣ жить устроилъ попомъ въ церквѣ; а я самъ идѣже людѣ снемлются тамъ слово Божіе проповѣдалъ, да при духовниковъ благословеніи и Неронова (л. об.) Иванна тѣшилъ надъ книгами свою грѣшную душу о Христвъ Іисусѣ.

Далѣе до л. 20 до словъ: «не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго», какъ въ Мат. т. V, стр. 18—21; а потомъ вставка:

Л. 20. Тутъ же въ пещери у нихъ былъ нашъ братъ подначальной ис Хамовниковъ, пьянства ради преданъ бѣсомъ и горавдо бѣсился томимъ отъ бѣсовъ. Азъ же жалихся грѣшныи объ немъ, во обѣдню стоя на чеци Христа свѣта и пречистую Богородицу (л. об.) помодилъ, чтобъ ево избавили отъ бѣсовъ. Господь же ево бѣднава и простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же цѣлоумень сталъ заплакавъ и во мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ, чтобъ про меня не сказалъ никому; людѣ же не догадалися о семъ, учали звонить и молебень пѣть.

Далѣе сходно съ Мат. до л. 22 об. со словъ: «иное уйду къ воеводу». Вставка: внягиня меня въ сундукъ посыдала, я де ба-тющко надъ тобою сяду; какъ де правдуть тебя искать къ намъ, и воевода отъ нихъ мятежниковъ боялся, лишю плачетъ на меня глядя, я уже и въ тюрьму просился..... и т. д.

Далѣе въ Мат. сходно съ рукописью до л. 24, до словъ: говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицалъ три пагубы: моръ, мечъ, раздѣленіе. Вся сія збыдось во дни наша, а опослѣ и самъ милой принужденъ тремя персты креститца. Таково то поущено дѣйствомъ антихристову духу. По Господню реченію, аще возможно ему прельстити и избранныя, и всякъ, мняйся стояти, да блюдется да си не падеть. Што тово много и говорить! того ради неослабио ища правды, всякъ молися Христу, а не дряхлою душею о вѣрѣ приажи, такъ не повинеть Богъ. Писанное внимай—се полагаю въ Сионъ камень претыканію и камень соблазну; вси бо не ско-днѣшися (об. л.) съ нами о немъ претыкаются или соблазняются. Разумѣеш ли сіе, камень—Христось, а Сионъ—церковь, а бла-зняшися похотолоубцы и вси отступницы, временныхъ ради о вѣч-номъ не брегуть, просто молвить — діаволю волю творять, а о Христовѣ повелѣніи не радятъ. Но аще кто преткнется—о ка-мень сей сокрушится, а на немъ же камень падеть — сотреть

его. Внимай-ко гораздо и слушай что пророкъ говорить со апостоломъ: что жорновъ дурака въ муку перемелеть, тогда узнаеть всякъ высокосердечный какъ сканать по холмамъ, перестанеть, сирѣчь отъ всѣхъ сихъ упряднится. Полно тово паки стану говорить какъ мени ис Тобольска повезли на Лѣву, а егда въ Бибсѣйскъ привезли—другой указъ пришелъ:..... и т. д. по *Мат.*

До л. 27 до словъ: «бытто доброй человекъ, другой фарисей, погибельный сынъ» (*сходно съ Мат.*). *Далѣе:* съ г. .ною рожею праведникомъ себя наменилъ, да со владыкою, что Іевъ непорочной на судъ, да Іевъ хотя бъ и грѣшенъ ино нельзя на него подивить; виъ закона живый, писанія (л. об.) не разумѣлъ, въ варварской землѣ живя, аще и того же рода Авраамля, но поганова колѣна. Внимай: Исаакъ Авраамовичъ роди севернова Исава. Исавъ роди Рагуила. Рагуиль роди Зара. Зара же—праведнаго Іева—вотъ смотри у ково Іеву добру научитца. Вся правды идолопоклонниви и блудники были, но отъ твари Бога уразумѣвъ живъ праведный непорочно; и въ азѣ лежа изнесе глаголъ отъ недоразумѣннн и простоты сердца: изведыи мя изъ чрева матере моея, кто даетъ судію между мною и тобою, яко тако наказуеши мя; ни азъ презрѣхъ сироты и вдовицы, отъ острига овецъ моихъ плещи нищихъ одѣвахуся, и сице Богъ къ нему и прочая. А я таковая же дерзнухъ отъ моего разума, родился во церквѣ, на законѣ почиваю, писаніемъ ветхаго и новаго закона огражденъ, вождя себя помышляю быти святымъ, а самъ ослѣпъ изнутри; какъ дощеникъ—отъ не погрязъ со мною! и т. д. какъ въ *Мат.*

Далѣе: л. 29 об. Тоже привезли въ Брацвой острогъ и кинули въ студеную тюрьму, соломки дали немношко, сидѣлъ до филипова посту въ студеной башня; там зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ, и безъ платья всяко что собачка въ соломе лежу на брюхе, на спинѣ той нельзя было; коли покормить, коли нѣтъ, есть тово послѣ побой тѣхъ хочеться, да вѣть су неволя, то есть (л. 29) какъ пожалуютъ, дадутъ; да безчинниви ругались надо мною: иногда одново хлѣбца дадутъ, а иногда ветчинки одное не вареной, иногда масла коровья безъ хлѣба же. Я таки что собака такъ и емъ, не умывался вѣть, да и кланяться не смогъ, лише на крестъ Христовъ погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человекъ одалъ стоятъ; щелка на стѣнѣ была, собачка ко мнѣ по вся дни приходила, да поглядитъ на меня; яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пса облизаву гной его, отраду ему чинили, такъ и я со своею собачкою розговаривалъ, а человекы далече окрестъ меня ходять и поглядѣтъ на тюрьму не смѣютъ.

Мышей много у меня было, и ихъ свуфьею билъ, и батопка не дали; блохъ, да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать, прости, да сила Божія (л. об.) возбранила, велѣно терпѣть. Въ шестую недѣлю послѣ побой перевел меня въ теплую избу, и я тутъ с аманатами и съ собаками зимовалъ скованъ, а жена з дѣтми вереть з двадцать была сослана отъ меня. Баба ея Ксенія мучи брани зиму ту тамъ въ мѣстѣ пустомъ. Сынъ Иванъ еще не великъ былъ, приобрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ и прежде сидѣлъ, да и опять велѣлъ к матерѣ протолкать, я ево и не видалъ; приводоксъ руки и ноги ознобилъ. На весну паки поехали впередъ; все разорено: запасъ, и одежда, и книги все растащено. На Байкаловъ моръ паки тонулъ, по рѣкѣ по Хилку заставилъ меня лямку (л. 30) тянуть, зѣло нужень ходъ ею былъ, и поестъ нѣколи было, нежели спать; цѣлое лѣто бились противъ воды. Отъ тяготы водянын въ осень у людей стали и у меня ноги пухнуть, и животъ посинѣлъ, а на другое лѣто и умирать стали отъ воды. Два лѣта бродилъ въ водѣ, а зимами волочился за волоки, чрезъ хрепты; на томъ же Хилке въ третье тонулъ: барву отъ берегу оторвало, людскіе стоятъ, а меня понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ понесло, вода быстрая переворачиваетъ барву вверхъ дномъ и паки полубами, а я на ней ползаю и кричу: владычице помози, упованіе не погрузи; иное ноги въ водѣ, а иное выползу на верхъ; несло съ версту и болши, да переняли; все розмыло до крохи. Изъ воды вышелъ смеюсъ, а люди-те охаютъ глядя на меня; платье то по кустамъ развѣшаютъ, шубы шелковые и кое-какіе бездѣляцы той было много еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, съ тѣхъ поръ все перегнило, наги стали; а Пашковъ меня же хотѣлъ бить: ты де надъ собою дѣлаешь на смѣхъ. И я су въ кустъ зашедъ ко Богородицѣ припалъ: владычице моя, пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и такъ спина болятъ, такъ Богородица свѣтъ и уняла—сталь по мнѣ тужить. Доехали до Иргеня озера, волокъ тутъ стали водочитца, а у меня работниковъ отиндъ; инымъ нанитца не велить, а дѣти были маленьки, таскать не съ кѣмъ. Одинъ бѣдной протопопъ здѣлалъ нарту и зиму всю за волокъ бродилъ. У людей собани въ подиряшкахъ, а у меня не было; одинова дашо двухъ сыновъ, маленьки еще были, Иванъ и Прокопей таскали со мною, что кобели за волокъ нарту. Волокъ—вереть со сто—насилу бѣдные и перебрели; а протопопица муву и младенца за плечами на себѣ таскала, а

дочь Огрофена брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною по малену тащили. И смѣхъ и горе какъ помянутся днѣ оны: робята—тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по лусочку пряничка имъ дастъ и онѣ съедши опять дямку потянутъ; и кое какъ перебились волокъ, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба мамврїйска. Не пустилъ насъ и въ засѣку Пашковъ, сперва дондеже натѣшился, и мы недѣлю, другую мерзали подъ сосною съ робятами одны, кромѣ людей на бору, и потомъ въ засѣку пустилъ и указалъ мнѣ мѣсто. Тамъ мы съ робятами огородились (л. об.), балагонецъ здѣлавъ, огонь курили, и какъ до воды домаялись—весною на плотахъ поплыли на нязъ по Ингодъ рѣкѣ; отъ Тобольска четвертое лѣто. Лѣсъ гнали городской и хоромной, естъ стало явчева, люди стали мереть зъ голоду и отъ водяныхъ бродни, рѣка песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы не милостивыя, палки большіе, батоги суроватыя, януты острые, пытки жестокіе, огонь, да встряска. Люди голодные,—лишо стануть бить, аю и умереть, и безъ битья на силу человекъ дышать, съ весны по одному мѣшку солоду дано на десять человекъ на все лѣто, да петь работай, нивуды на промыселъ не ходи и вербы бѣдной въ кашу ущипать збродить—и за то палкою по лбу: не ходи мужикъ, умри на работѣ. Шестъ сотъ человекъ было (л. 32) всѣхъ такъ то перестроилъ. Охъ, времени тому, не знаю, какъ умъ у него изступилъ!

Далѣе сходно съ Мат. т. V, стр. 34—40, въ Матеріалахъ нынѣшнихъ полкѣе. Затѣмъ, послѣ эпизода [объ измѣненіи «бѣшеннахъ бабъ», въ рукоп.—идеть слѣдующая вставка л. 34 об. (л. 34 об.) За што было ва то гнѣватися, явно въ немъ бѣсъ дѣйствовалъ, навѣтуя ево спасенію, да уже Богъ ево простить. Постригъ я его и поскинулъ; къ Москвѣ прїѣхавъ, царь мнѣ ево головою выдалъ—Богъ такъ изволилъ! Много о томъ Христу доужи было, да слава о немъ Богу; давалъ мнѣ (л. 35) на Москвѣ и денегъ много, да я не взялъ: мнѣ, реку, спасеніе твое тощю надобно, а не деньги; постригись реку, такъ и Богъ простить. Видитъ бѣду неминующую прсладъ ко мнѣ со слезами. Я къ нему на дворъ пришелъ, и онъ палъ предо мною, говорить: волея Богъ, да ты и со мною. Я, простя ево съ черныцами съ чюдовскими, постригъ ево и поскинулъ, а Богъ ему же еще трудовъ прибавилъ, потому доужи моея объ немъ ко Христу было, чтобъ ево къ себѣ присвоилъ. Рука и нога у него же отсохли въ Чюдовѣ, ис кельи не исходитъ, да любо мнѣ силно, чтобъ ево Богъ царствію небесному сподобилъ; доучаю и нынѣ объ немъ, да и надѣюся на Христову ми-

дость, чаю помилуетъ насъ съ нимъ бѣдныхъ. Цюло тово стану нави говорить про даурское бытiе. Тоже съ Неръчи рѣки... и т. д., какъ въ *Мат. т. V, гдѣ полнѣе, до стр. 51.*

Тамъ въ рукоп. слѣдующій вариантъ: л. 41. Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я ево—Богъ разбереть. Перемяна ему пришла, и мнѣ грамота пришла: велѣно ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взялъ съ собою, умышлялъ во умѣ, чаялъ, меня безъ него и не вынесеть Богъ, а се и самъ я убоился съ нимъ плыть: на повздѣ говорилъ — здѣсь де земля не взяла, на дороге дѣ вода у меня прибереть, съ среди моря бы велѣлъ съ судна пехнуть, а еказалъ бы бытто (л. об.) самъ ввалился, того ради и самъ я съ нимъ не порадѣлъ; онъ въ дощеникахъ поплылъ съ людьми и съ ружьемъ, а я мѣсяцъ спустя послѣ ево набралъ старыхъ, и раненыхъ и больныхъ, кои тамъ негодны, человекѣ з десятокъ, да я съ семъею—семнатцеть человекѣ, въ лотку сѣдше, уновая на Христа и крестъ, поставя на носу, поехали ничего не боясь, и во иную пору и боялись, человекѣ бо есмы, да гдѣ же стало дѣтца. Однако смерть бывало то и на Павла апостола; самъ о себѣ свидѣтельствуеть сице: «внутри убо страхъ, а внѣ убо боянь»; а въ иномъ мѣстѣ: «уже бо де не надвяхомся и живи быти, но Господь избавилъ мя естъ и избавляетъ». Такъ то и наша бѣдность: аще не Господь помогалъ бы, въ малѣ, вселися бы во адъ душа моя; и Давидъ глаголетъ: яко аще не бы Господь вмѣстѣ, ижегда: востави человекѣомъ на ны, убо живы пожерди быша насъ, иже Господь воляка избавилъ насъ, а до нынѣ избавляетъ; мотажося, яко плываеъ посередѣ иныициа, посередѣ добрыхъ людѣи на людѣ посредѣ молновъ, яко овенчаеъ: ази; посредѣ исовъ, яко зайце, ижеко; перебиваеъся о: Христѣи Луисѣ; но: прызугея еретивыи то: собали, а безъ божии: воли: приагойти: не: могутъ; да: воля: Господня: иже: Богу: дастъ, то: онѣ: будетъ. Безъ: смертнѣи: ны: не: будемъ; а: владѣи: бо: бы: чта: добро: тои: вѣдаты, и: до: чей: абы: похвалѣ: шредѣ: владыи: а: то: а: и: рѣсѣ: а: вся: ко: Цюло: о: семъ; енда: поемаи: нѣ: Дауръ: и: нѣ: т: г: ж: о: ж: о: Мат: т: V: стр: 51: и: в: стр: 52: об: В: Мат: и: о: л: н: а: и: и: у: н: а: и: К: и: в: е: в: е: о: т: и: и: а: в: о: в: о: ц: и: о: Д: м: т: е: л: 46: об: Помемалъ: а: т: ш: м: н: о: г: о: а: в: и: н: у: т: а: и: е: л: а: д: о: колесница: гонѣтъ: и: подержалъ: е: е: н: а: и: н: а: в: а: в: а: ж: о: д: а: т: а: и: д: а: р: и: ц: а: р: ъ: д: о: с: у: д: а: р: ъ: и: т: п: р: о: ч: а: в: а: н: а: и: у: н: о: д: е: т: а: , и: п: о: д: о: б: а: е: т: а: д: л: ѣ: п: а: с: т: ы: р: е: с: м: и: р: е: н: о: с: у: д: р: а: м: а: с: е: r: a: n: a: i: n: a: i: s: e: i: f: o: б: и: c: h: e: i: f: o: т: е: r: в: и: v: i: a: в: м: e: n: a: t: ы: a: i: e: n: e: п: р: о: с: т: о: х: о: и: р: e: n: a: и: ш: o: r: a: в: o: n: i: k: a: ч: e: r: e: s: e: m: ъ. Т: а: в: о: ш: и: ж: е: н: а: д: о: б: и: i: i: z: а: б: и: р: а: т: ы: в: o: n: e: i: s: e: k: o: м: e: t: в: o: ц: a: p: e: c: h: i: c: k: i: v: л: а: c: t: a: i: . Б: ѣ: р: e: t: s: t: в: у: i: k: o: с: у: д: а: r: a: и: n: e: d: a: r: e: m: i: , п: o: n: a: ж: o: c: y: n: o: c: t: a: t: ѡ: д: ѣ: в: о: m: ѡ: ш: e: t: ѡ: ц: a: r: e: s: o: v: ѡ: в: a: e: p: e: c: t: a: i: .

глотить; да (л. 47) тамъ многоуко написано было, спина у меня въ то время заболѣла, не смогъ самъ выбрестъ и подать выслатъ на переѣздъ съ Феодоромъ юридивымъ, онъ же дерзо къ корѣте приступилъ и кромѣ царя письма не далъ никому; самъ у него протяня руку ис корѣты доставалъ, да въ тѣснотѣ людской не досталъ. Осердясь велѣлъ Феодора взять и совсѣмъ погъ красное крыльцо посадить, потомъ, къ обѣднѣ пришедъ, велѣлъ Феодора къ церкви привести и взялъ у него письмо, велѣлъ его отпустить. Онъ же покойникъ побывалъ у меня, сказалъ—царь де тебя зоветъ, да и меня въ церковь поташилъ; пришедъ предъ царя сталъ предъ нимъ юридствомъ шаловать, такъ ево велѣлъ въ Чюдовъ отвести. Я предъ царемъ стою, поклонясь на него гляжу, ничего не говорю, а царь мнѣ поклонясь (л. об.) на меня стоя глядитъ, ничего жъ не говоритъ, да такъ и разошлись; съ тѣхъ поръ и дружбы только, онъ на меня за письмо кручиненъ сталъ, а я осердился же за то, что Феодора моего подманали послать; да (л. об.) помнатиныя на меня жъ: «ты не получиши ддари», да и власти на меня жъ: «ты не получиши царю ден въ письмъ своемъ бранишь (и людей) душишь дѣтѣмъ, и въ цювню нашему не ходишь». Да и орять стали думать, въ сылку мени послать; Феодора словеса въ Чюдове монастыря, Божию волю и желѣза равоспалде на ногахъ. Онъ же вѣдъ послѣ хаббовъ въ жаркую печь, на доломъ дунѣй полая на подут, проки побиралъ и Черныцы жъ, и вѣдъ въ бѣднѣ, и архимаригу сказавъ, что нынѣ Павелъ митрополитъ, онъ же, и царю дѣвѣстилъ, царь пришедъ въ монастырь, цество Феодора приказавъ отпустить. (л. 48) едѣ съ чотомъ тамъ и живеть, онъ до мнѣ и пришелъ. Я ево отвелъ къ дочери своей духарней, къ бабынѣ въ Федосѣи Морозовѣ (л. об.) жить. Также мени въ сылку сослала же Мезень на вѣдъ былы добрыя люди кое чеворое астадедъ гутъ, тово зъ женою и дѣтми повезли, а епо: гередамъ шани дѣкъ нестрообразидкъ звѣрей обидчал, привезли на Мезень и цолтора года державъ, неки одное къ Москвѣ поволокиа. Тово два сына: со мною съехали, а проин на Мезонѣ оставица: вон, и привезше: жъ Москвѣ, и держава, отъезди въ Цюмутьевъ монастырь. Кистуку цювонка была, тожъ, да рошъ геворать, долго и мѣтѣмъ дучить несть, сседиди съ нами. Я отридидея что, етѣ бисовъ а онъ, и вѣдъ въ глѣра, ека слу имъ дучъ и вѣдъ въ бѣднѣю уверизнокни бравъ, и ередать, съ посланиномъ и дѣтѣмъ. Бома (л. об.) дѣвонъ, и (л. об.) *Мат. дт. V, стр. 168* (л. об.) *Козми* (л. об.) ... Та и жъ державъ, и мѣдъ въ Цюмутьевъ (на чѣпи десять жѣдъ) опять етъ на Мезонѣ дѣвонъ, тоново чѣдоловѣка цѣвонъ на

старую лошадь, приставъ созадѣ—побивай, да побивай; иное вверхъ (л. 49) ногами лошадь в грязи упадетъ, а я черезъ голову, и днемъ однимъ перемчалъ девяносто верстъ, еле живъ дотащился до Москвы. На утро ввели меня въ крестовую, и стязавши власти со мною много, потомъ ввели въ соборную церковь; по херувимской въ обѣдню, стригли и проклинали меня, а я сопротиво ихъ, враговъ Божіихъ, проклиналъ, послѣ меня въ ту же обѣдню и дьякона Феодора стригли и проклинали, — мятежно сильно въ обѣдню ту было. И подержавъ на патриарховъ дворъ вывели меня ночью къ спальному крыльцу, голова досмотрилъ и послалъ въ тайнишныя водяныя ворота; я чаялъ въ рѣку посадятъ, аю отъ тайныхъ двѣръ шишь антихристовъ стоять. Демонтей Башмаговъ дожидается меня, учалъ мнѣ говорить: «протопопъ велѣлъ тебѣ, государь, сказать не бойся ты никого (л. об.), надѣйся на меня», и я ему поклоняясь, — а самъ говорю: «челомъ, реку, бью на ево жалованье, какая онъ надежа мнѣ, надежа моя Христовъ!» Да и повели меня по мосту за рѣку, и идучи говорю: не надѣйтесь на князя, на сыны человеческія — въ нихъ же нѣсть спасенія и прочая. Таже полуголова Осипъ Саловъ со стрельцами повезъ меня къ Ниволѣ на Угрѣшу въ монастырь; посмотрю, аю передо мною и дьякона тащатъ, везли болотами; а не дорогою до монастыря, и привезше въ полатку студевую надъ ледникомъ посадили, и прочихъ — дьякона и пона Нивиту Суздальскаго въ полаткахъ во иныхъ посадили, и стрельцовъ человекъ аъ дватцеть съ полуголовою стояли. Я сидѣлъ семнатцеть недѣль, а онѣ бѣдныя изнемогли и повинились, сидя пятнадцеть недѣль, такъ ихъ въ Москву взяли (л. 50) опять, а меня пани въ Паенутьевъ перевезли и тамъ въ полатке сковавъ держали близко аъ годъ; а какъ на Угрѣше былъ, тамо и царь приходилъ, и посмотри около полатки вздыхая, а ю мнѣ не вошелъ и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумалъ, подумалъ, да и не вошел, полуголову взялъ, и съ нимъ кое што говоря про меня, да и поехалъ домой; кажется, и жаль ему меня, да, видить, Богу уш-то надобно такъ. Опослѣ и Воротынской князь Иванъ в монастырь привѣжалъ и просился ко мнѣ, такъ не смѣли пустить, денегъ бѣдной громаду въ листу подавалъ и денегъ не приняла. Послѣ въ другое лѣто на Паенутьевѣ подворье, въ Москвѣ я скованъ сидѣлъ — тамъ онъ ехалъ въ корѣте нарокомъ мимо меня, и благословилъ я ево миленькова, и всѣ бояря те добры до меня, да дьяволъ лихъ (л. об.). Ховансова князь Ивана и батогами за благочестіе били вверху, а дочь ту мою духовную Феодосью Моро-

зову и совсѣмъ разорили, и сына ея Ивана Глѣбовича уморили, и сестру ея княгиню Евдокью Прокопьевну, дочь же мою духовную съ мужемъ и з дѣтми бивше розвели, и нынѣ мучать всѣхъ, не велятъ вѣровать въ старова Сына Божія Спаса Христа, но къ новому богу антихристу зовуть; послушай ихъ, кому охота жупела и огня, соединишь съ ними въ преисподній ада, помятово. Въ Никольскомъ же монастырѣ мнѣ было в полатке въ Вознесеневъ день Божіе присвѣщеніе; въ царевѣ посланіи писано о томъ—тамо обрящяши. А егда меня свезли въ Паюнутьевъ монастырь, тутъ келарь Никодимъ сперва до меня былъ добръ въ первомъ году, а въ другой привозъ ожесточалъ горюнь (л. 51)—задушилъ было меня, завалилъ и окошину, и дверь и дыму нѣгдѣ было итти, тошнѣ мнѣ было земляные тюрьмы: гдѣ сижу и емъ тутъ и ветхая вся сраніе и спаніе, прокурить откутають, да и опять задушать; добрый человекъ, дворянинъ другъ Ивановъ зовутъ Богдановичъ Камынинъ (вкладчикъ въ монастырѣ) и во мнѣ зашелъ, да на келаря покричалъ, и лубье, и все безъ указу разломалъ, такъ мнѣ съ тѣхъ поръ окошко стало и отдухъ, да что на него келаря дивить—всѣ перепилися табаку тово, что у газскаго митрополита и т. д.... сходно съ *Мат. т. V, стр. 72—76 до словъ*: «ногами тѣми, что коченьемъ по каменію тому де бью».

Далше: (л. 54) а какъ де въ тепло войду зѣло рветъ и болитъ, какъ сперва учалъ странствовать, а се де лехче, да лехче, да не стало и болѣть. Отецъ у него въ Новѣгородѣ богатъ горвадо, сказывалъ мнѣ мытоимецъ де Феодоромъ же зовутъ, а онъ уроженецъ мезеньской, и баба у него, и дядя и вся родня на Мезени. Богъ изволил и удавили его на висѣлице отступниини у родни на Мезени. И уродетовать тово какъ обѣщался Богу, да солгалъ—такъ моремъ ездилъ на ладѣ къ городу съ Мезени, и погодно было насъ, и не вѣдаю какъ упалъ в море, а ногами зацепилася за петлю и долго висѣлъ—голова въ водѣ, а ноги вверху. И на умъ взбрело обѣщаніе: яко не солгу аще потопленія мя Богъ избавитъ, и не вѣмъ кто силемъ бы пехнулъ меня изъ воды на лубы—съ тѣхъ мѣсть сталъ странствовать. Домой приѣхавъ, житіе свое дѣвствомъ прошелъ, Богъ изволилъ. Многіе борьбы блудныя бывали, да всяко сохранилъ Владыко; слава Богу о немъ, и умеръ за христіанскую вѣру. Добро онъ скончалъ свой подвигъ. Какъ то еще мы до пристанища доведемъ? Во глубинѣ еще плывемъ, берегу не видѣть, грести надобно прилѣжно, чтобъ здорово за (л. 55) дружиною въ пристанище достигнуть. Старецъ, не станемъ много спать: дьяволъ около темницъ нашихъ бодро зѣло

ходить, хочется ему насъ гораздо, да силенъ Христось и насъ не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа своего Творца и содѣтеля и владыки, а дьяволъ—какая диковина, чево ево боятца! Боятца подобаетъ Бога и заповѣди его соблюдать, такъ и мы со Христомъ ладно до пристанища доедемъ. И Аеонасей уродивый крѣпко же житье проходилъ покойникъ, сынъ же мнѣ бысть духовной, во иноцѣхъ Авраамій, ревнивъ же о Христвѣ и сей былъ гораздо, но нравомъ Феодора смиреннѣе. Слезъ рѣва же отъ очію истекла, такъ же босъ и въ одной рубашки ходилъ зиму и лѣту, и много же терпѣлъ дождя и мраза, постригшися и въ пустыни пожилъ, да отступники и тово много муча и сожгли въ огнѣ на (л. б.) Москвѣ на болотѣ, пускай ево испекли—хлѣбъ сладокъ Святви Троицѣ. Павелъ Крутицкой за бороду ево дралъ и по щонамъ билъ своими руками, а онъ ис тиха писаніемъ обличалъ ихъ отступленіе; та же и плетми били и муча всяко кончали в огнѣ за старую нашу христіанскую вѣру, онъ же скончался о Христвѣ Ісусѣ, послѣ Феодорова удавленія два года спустя. И Лука Лаврентіевичъ, сынъ же мнѣ былъ духовной—что на Мезени—вмѣстѣ съ Феодоромъ удавили тѣже отступивши на висѣлице повѣся; смиренъ нравъ имѣлъ покойникъ: говорилъ яко плакалъ, москвитянинъ родомъ у матери вдовы сынъ былъ единочадый, сапожникъ чином, молодъ лѣты—годовъ въ полтретьятцетъ, да умъ столѣтенъ; когда спроси его Пилатъ «какъ ты мужикъ креститься?» Онъ же (л. 56) отвѣща: «какъ батюшка мой, протопопъ Аввакумъ, такъ и я крещуся». И много говоря, предаде его в темницу, потомъ с Москвы указали удавить, такъ же что и Феодора на висѣлице повѣся, онъ же и скончался о Христвѣ Ісусѣ. Милые мои, сердечные други, помогайте и намъ бѣднымъ молитвами своими, даже бы и намъ о Христвѣ подвигъ сей мирно скончати. Полно мнѣ про дѣтей тѣхъ говорить, стану про себя сказывать какъ ис Паенутьева монастыря... и т. д. см. *Мат. т. V, стр. 77—80, но далѣе л. 58 об.* И повезли меня на Воробьевы горы. Тутъ же священника Лазаря и старца Епифанія (обруганы и острижены, какъ и я былъ прежде) поставили насъ по рознымъ дворамъ; неотступно 20 человекъ стрельцовъ, да полуголова, да сотникъ надъ нами стояли—берегли, жаловали и по ночамъ с огнемъ, сидѣли и на дворъ срать провожали. Помилуй ихъ Христось! прямые, добрые стрельцы-те люди, и дѣти таковы не будутъ, мучатся туды же с нами возяся, нужица та какова прилучится и онѣ всяко, миленькіе радѣють, да шьто много разсуждать; у Спаса онѣ лучше чернецовъ тѣхъ, которые

клубуки тѣ рогатыя ставцами тѣми (л. 59) носить. Подно онѣ горюны испиваютъ до пьяна, да матерны бранятся, а то бы онѣ и с мучениками равны были, да што же дѣлать, и такъ ихъ не повинеть Богъ. Таже насъ перевезли на Андрѣевское подворье, и тутъ приезжалъ ко мнѣ шпынять от тайныхъ дѣлъ Дементей Бацмаговъ, бытто безъ царена вѣдома былъ, а послѣ бывше у меня сказалъ—по цареву велѣнію былъ. Всяко бѣдныя умышляютъ какъ бы имъ меня предъстить, да Богъ не выдаетъ, за молитвъ Пречистыя Богородицы, она меня помощница обороняетъ отъ нихъ. А на Воробьевыхъ горахъ дьякъ конюшей Тимофей Марковъ отъ царя присыланъ и у всѣхъ былъ, многое кое что говоря, с крикомъ разошлись и со стыромъ (?) болшимъ. Я послѣ ево написалъ посланіе и с сотникомъ Иваномъ Лобновымъ к царю (л. об.) послалъ, кое о чемъ многонько поговоря и благословеніе ему и царице и дѣтямъ приписалъ. Потомъ державъ на Воробьевыхъ горахъ и на Одрѣевскомъ подворье и в Савине слободке къ Николѣ на Угряшу перевезли. Тутъ голову Юрья Лутохина ко мнѣ опять царь присылалъ и за посланіе, спаси Богъ, с поклономъ большое сказалъ, и благословенія себѣ, и царице и дѣтямъ прося, молитце о себѣ приказалъ. Таже опять насъ в Москву ввезли на Никольское подворье и взяли о правотѣрии еще скаски у насъ; потомъ многожды ко мнѣ присылаемы были Артемонъ и Дементей—близніе его и говорили...

Мат. т. V стр. 81 — 82 до словъ: Я и нинѣ грѣшной елико могу о немъ Бога молю. Далѣе л. 60: аще и мучить мя, но царь бо то есть, бывало время и впрямъ добръ до насъ бывалъ (до Никона злодѣя); прежде мору с казанской пришедъ, у руки мы были, япцами насъ дѣлилъ, и сынъ мой Иванъ маленекъ еще былъ и не прилучился подле меня, а онъ государь знаетъ гораздо ево, послалъ брата моего роднова сыскивать ребенка, а самъ долго стоя ждалъ, докажетъ братъ на улице ребенка сыскалъ, руку ему даетъ целовать, и робенокъ глуцъ не смыслить, видить, что не пощъ—такъ не хочеть целовать, и государь самъ руку губакъ робенку принесъ, два янца ему далъ и погладилъ по голове ино су и сіе намъ надобе не забывать; не отъ царя намъ мука сія, но грѣхъ ради нашихъ, отъ Бога дьяволу поущеніе озлобити насъ, даже искусяся нынѣ вѣчнаго искушенія уйдемъ, слава Богу о всемъ. Таже братію, Лазаря и старца, казня, вырѣзавъ языки (л. 61), а меня и Никифора протопопа не казня сослали насъ въ Пустозерье, а двоихъ сыновъ моихъ—Ивана и Провошья оставили на Москвѣ за поруками, и

онѣ бѣдныя мучались годы с три, уклоняся от смерти властелинска навѣта: гдѣ день, гдѣ ночь, никто держать не смѣеть и кое какъ на Мезень к матери прибрели, — не пожили и з годъ, ано и в землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чемъ по улицамъ бродить. Я безпрестанно Бога о томъ молю: Господи, аще хотимъ, аще и не хотимъ, спаси насъ! И Господь и промышляетъ о нашемъ спасеніи помаленку; пускай потерпимъ токо (sic!), а то пригодится нѣ вую пору, тогда слюбится какъ время будетъ. Азъ же изъ Пустозера послалъ къ царю два посланія, — одно невелико, а другое болше; говорилъ кое о чемъ ему много (л. об.), въ посланіи ему сказалъ и богознаменія по-казанная мнѣ не въ одно время, тамо чтый, да разумѣеть. Еще же от меня и от брата дьяконово снисканіе послано в Москву правовѣрнымъ гостинцы: книга — «отвѣтъ православныхъ», и от Лазаря священника два посланія: царю и патриарху. И за все сія присланы к намъ гостинцы: повѣсили в дому моемъ на Мезени на висѣлице двухъ человекъ дѣтей моихъ духовныхъ — Фодора преждедеченнаго юродиваго, да Луку Лаврентьевича (рабы Христовы, свѣты мои, были), и сыновъ моихъ двоихъ Ивана и Прокопья велѣно повѣсить, и онѣ бѣдныя, испужався смерти, повинились: «виноваты предъ Богомъ и предъ великимъ государемъ», — а не вѣдомо что своровали, — такъ ихъ и с матерью троиныхъ закопали в землю, да (л. 62) по правиламъ такъ онѣ здѣлали. Спаси Богъ того ради робята, не бойтеса смерти, держите старое благочестіе крѣпко и не поподаиовенно! А мать за то сидятъ с ними, чтобъ впредъ дѣтей подкрѣпила Христа ради умирати, и жила бы не развѣшавъ уши, а то баба бывало нищихъ кормить, сторонныхъ научаетъ какъ слагать персты, и креститца, и творить молитва, а дѣтей своихъ и забыла подкрѣпить, чтобъ на висельницу пошла и з доброю дружиною умерла за одно Христа ради. Ну да Богъ васъ простить, не живно то такъ здѣлали, — и Петръ апостоль нѣкогда убоился смерти и Христа отрекся, и о семъ плакася горько, таже помилованъ и прощенъ бысть. А и о васъ нѣкогда моляшумися тошно и видѣвъ вашу пред собою темницу и васъ троиныхъ на (л. об.) молитвѣ стоящихъ в вашей темницѣ, а от васъ три столпа огнены к небесамъ стоятъ простерты, а с тѣхъ мѣсть обрадовался и лехче мнѣ стало, яко покаяніе ваше дрялъ Богъ, слава о семъ Богу. Таже тотъ же Пилать полуголова Иванъ Елагинъ былъ у насъ в Пустозерье и взялъ у насъ скаску еще; речено: годъ и мѣсяцъ и пакы мы святыхъ отецъ преданіе дер-

жимъ неизвѣнно, а Паисея Александрскаго патріарха съ товарищи еретическое соборнище проиавнаемъ и иное тамъ говорено много и Никону еретяку досталось. Посемъ привели насъ къ ялахе и прочитали наказъ: «изволилъ де государь и бояра приговорили тебя Аввалума вмѣсто смертныя казни, учинить струбъ в землю и здѣлавъ окошко давать хлѣбъ и воду, а (л. 63) прочимъ товарищамъ рвать без милости языки и свѣчь руки». И я, плюнувъ на землю, говорилъ: я, реку, плюю на ево кормлю, не едше умру, а не предамъ благовѣрія и потомъ повели меня въ темницу, и не елъ дней з десятокъ, да братья велѣли. Таже священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ изъ горла, кровь попошла, да и перестала; онъ в то время без языка и лави говорить сталъ; таже положи правую руку на плаху по записью отсѣкли и рука отсѣченная, лежа на земли, сложила сама по преданію персты и долго лежала предъ народы, исповѣдала бѣдная, и по смерти знаменіе Спасителево неизвѣнно; нѣтъ су и самому сіе чудно—бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третей день у Лазаря во рть рукою моею гладилъ, ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ далъ Богъ, а говорить яко и прежде, играетъ надо мной: «щупай протопопъ, забей руку въ горло—то, небось не откушу» — и смѣхъ с нимъ и горе. Я говорю: «чево щупать, на улице языкъ бросили»; онъ же сопротивъ—«собаки онъ вражьи, пускай мои едятъ языки». Первой у него легче, и у старца на Москвѣ рваны были, а нынѣ жестоко гораздо, а по дву годахъ и опять иной языкъ выросъ, чудно, с первой же величиною, лишь маленько туненеть. Таже взяли соловейскаго пустынника старца Елифанія, онъ же моливъ Пилата тощій и зѣло умилнѣ, даже повелѣтъ отсѣщи главу его по плеча, вѣры ради и правости закона. Пилатъ же отвѣща ему, глаголя: «батюшко тебя уповонть, а самому нѣтъ гдѣ дѣтца, не смѣю государь такъ здѣлать» (л. 64). И не послушавъ полуголова старцова моленія, не отсѣче главы его, но повелѣтъ языкъ его вырѣзать весь же. Старецъ же прекрестя лице свое и рече на небо взирая: «Господи, не остави мя грѣшнаго, помози ми». И в то время Божиимъ промысломъ прииде на него нѣкое забвеніе, яко сонъ, и не почувъ рванія языка своего, только в малѣ, в малѣ нѣкакъ ощутилъ, яко во снѣ рваніе языка своего безболѣзненно. благодатію Христовою осѣняемо. Палачъ же пожалѣвъ старца, хотя ево руку по составамъ рвать, даже бы зажило впредъ скорѣе; старецъ же ища себѣ смерти, поперегъ костей велѣлъ отсѣщи и отсѣкоше четыре перста, и сперва говорилъ гугниво;

таже молилъ пречистую Божию Матерь и показаны ему оба языка (л. об.) московской и пустозерской на воздухе, онъ же единъ взнивъ положилъ въ ротъ свой и с тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обрѣтается во рту. Посемъ взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали весь же, остался кусочикъ в горлѣ младенекъ, на косъ рѣзанъ, немилость показуя, но руки не послужили — отъ дрожи и трепета ножъ изъ рукъ валился. Тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а послѣ и паки с прежней выросъ, лише маленько тупенеяъ, во знаменіе Богъ таивъ устроилъ, дже разумно невѣрному яко рѣзанъ. Мы вѣрни суть и без знаменія вѣруемъ старому Христу Ісусу Сыну Божию свѣту, и преданное отъ святыхъ отецъ старобытное. въ церкви держимъ неизмѣнно, а иже кому недоразумно, тотъ смотри на знаменіе и подкрѣпляйся. У него (л. 65) же дьякона отсѣкли руку поперегъ ладони и все далъ Богъ здорово стало, по прежнему говорить ясно и чисто и у него в другорядѣ же языкъ рѣзанъ. На Москвѣ менши нынѣшняго рѣзано было, пускай никоніана бѣдные кровію нашею питаются, яко медъ испивая.

Далѣе какъ въ Мат. т. V стр. 87—111 до словъ: «таково то бѣсовское усхищреніе к намъ». Мат. т. V стр. 91 — 96: «Сундовикъ верстъ с пятнадцать от насъ под Мурашкинымъ, да подъ Лысковымъ течеть» (л. 69).

Затѣмъ идетъ слѣдующій разговоръ:

Л. 79 об. Еще скажу вамъ о жертвѣ никоніанской: обѣдшуми в темнице, принесоша ми просвиру вынутую со крестомъ Христовымъ. Азъ же облачился, взялъ ея и хотѣлъ потребить на утро, чаялъ—чистая православная над нею была служба, понеже попъ старопоставленной служилъ над нею (а до того онъ попъ по новымъ служилъ книгамъ (л. 80) и паки сталъ служить по старому, не покавася о своей блудне). Положа я просвиру в углу на мѣстѣ и кадилъ в правило в вечеръ, егда же возлегъ въ ночь ту и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша во мнѣ бѣсовъ полкъ и единъ щербать черменъ взялъ меня за голову и говоритъ: «семъ ко-ты сюды попалъ ты в мои руки», и завернулъ мою голову. Азъ же томяся еле, еле назваменовалъ Ісусову молитву и отскочиша и исчезоша бѣси; азъ же стоя и охая недоумѣюся—за что меня бѣсъ мучилъ? Помога Бога опять повалился, егда же забыхся вижу на нѣкоемъ мѣстѣ церковь и образъ Спасовъ и врестъ по латыяв написанъ, и латинскими янымъ образомъ привлякиван молятся по латынски. Мнѣ же нѣ-

кто от предстоящихъ велѣлъ крестъ той подѣловати. Азъ же егда поцеловахъ нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиха; азъ же послѣ ихъ всталихся зѣло расслабленъ и разломанъ, не могу и сидѣть. Уразумѣлъ, яко просвиры ради, от бѣсовъ обруганъ. выложилъ ея за окошко, и ночь ту и день превроводилъ в трудѣ и немоществуя разсуждая, что сотворю над просвирою. Егда же прииде ночь другая по правилѣ воазегшу ми и не спя молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полкъ в кѣлюю мою з домерами и з гутвами, и одинъ сълъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала, и начаша играти в гутки и в домы, а я у нихъ слушаю, лежа меня ужъ не тронули и исчезоша. Азъ же послѣ ихъ воставъ моля Бога со слезами, общался жгечъ просвиру ту, и прииде на мя благодать Духа Святаго, яко искры (л. 81) во очю моею блещахуса огня невещественнаго, и самъ я в той часъ оздравѣлъ, — благодатию духовною сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и жегше просвиру, выкинулъ и пепель за окошко, рекохъ: «вотъ бѣсъ твой от твоихъ тебѣ в глаза бросаю». И на вну ночь единъ бѣсъ в хижу мою вошелъ, походя и вичево не обрѣте, токмо чотки изъ рукъ моихъ вышибъ и исчезе. Азъ же поднявъ чотки, паки началъ молитвы говорить; и во ино время среди дня на полу в поддыменье лежа опечалихся креста ради, что на просвирѣ жгегъ и от печали запѣлъ стихъ на гласъ третій: «и печаль мою пред нимъ возвѣщу», а бѣсъ в то время на меня вскричалъ зѣло жестоко болно, азъ же ужася и паки начахъ молитвы говорить. Таже во вну ночь забытѣмъ ума о крестѣ (л. об.) томъ паки опечалихся и уснухъ и нападоша на мя бѣси и паки умучиша мя яко и прежде, азъ же расслабленъ и изломанъ насилу живъ с доски сваяхся на полъ,⁴ моля Бога и каюся о своемъ безуміи, пролялялъ отступника Никона с никоніаны и книги ихъ еретическія, и жертвы ихъ, и всю службу ихъ и благодать Божія паки прииде на мя и здравъ бысть. Видь, человекѣ, какво дѣлко бѣсовское дѣйство христیانомъ! А егда бы съелъ просвиру ту, таъ бы меня, чаю, и задавили бѣси от малаго ихъ никоніанскаго свещенія. Таковая бѣда... А отъ большаго агньца причастяся— что получимъ?..—развѣ вѣчную муву. Лутче умереть не причастяся, нежели причастяся осуждену быти.

О причастіи святыхъ Христовыхъ (л. 82) непорочныхъ тайнъ. Всякому убо в нынѣшнее время подобаетъ опасно жити и не без разсмотрѣнія причащатися тайнамъ. Аще ли гоненія ради не получишь свщеника православна, и ты имѣй у себя

священное служеніе отъ православныхъ (запасный агнецъ), и обрѣтше брата духовна, аще и не священника, исповѣждься ему пред Богомъ, каися и по правилѣ утреннѣмъ на коробочку постели платочикъ, пред образомъ, зажги свѣчку и на ложечку водицы устрой на коробке и в нея положи часть тайны, покада кадиломъ, приступя со слезамъ, глаголя: се приступаю к божественному причащенію, владыко, да не опадши мя приобщеніемъ, но очисти мя от всякія скверны, огонь бо рекаъ еси недостойныхъ опадая,—се предлежитъ Христосъ на пищу всѣмъ (л. об.) мнѣ же прилѣплятися Божови — благо есть и полагати на Господа упованіе спасенія моего, аминь. И потомъ причастися сокрушеннымъ сердцемъ, и пакы воспой благодарная к Богу и поклонцы по силѣ, прошеніе ко брату, аще единъ, и ты по образу падъ на землю глаголи: прости мя, владыко, Христе Боже, елико согрѣшихъ,—весь до конца говори и потомъ образъ целуй и крестъ на себѣ, а прежде причастія надобе же образъ целовать. Ну, простите и меня, а тебя Богъ проститъ и благословитъ. Вотъ хорошъ и умереть готовъ, сиче видалъ въ правилѣхъ указано: твори такъ, не блюдишь.

Еще тебѣ скажу старецъ повѣсть: Какъ я былъ в Даурахъ с Пашковымъ с Афанасьемъ на озерѣ Ирѣгенъ—гладны гораздо, а рыбы никто и добыть не можетъ, а инова и ничево нѣтъ; от глада исчезаемъ. Помоля я Бога, взявъ двѣ сѣти въ протокъ перекидалъ, на утро пришелъ, ано мнѣ Богъ далъ шесть язей, да двѣ шуки, ино во всѣхъ люяхъ дивно, потому никто ничево не можетъ добыть. На другіе сутки рыбъ з десить мнѣ Богъ далъ. Тутъ же свѣдавъ Пашковъ и исполнися зависти збилъ меня с того мѣста и свои ловушки на томъ мѣстѣ велѣлъ поставитъ, а мнѣ на смѣхъ и ругалъ указалъ мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродятъ.—человѣку воды по лодышку, какая рыба, и лягушекъ нѣтъ. Тутъ мнѣ зѣло было горко, а се подумавъ рече: «Владыко человеклоубче, не вода даетъ рыбу, Ты вся промысломъ своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбы той на (л. об.) безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака того, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ». И помоляся, взявъ сѣти в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти на меня бѣдные кручиняся говорятъ: «Батюшко, и чему гноить сѣти-те, видишь-ли, и воды нѣту, какой быть рыбе». Азъ же не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповая здѣлалъ такъ, какъ захотѣлось. И на утро посылаю дѣтей к сѣтямъ. Онѣ же отвѣщали: «батюшко государь, пошто итти, какая в сѣтяхъ

рыба? Благослови насъ, и мы по дрова лутче збродимъ». Меня же духъ подвизаетъ, чаю въ свѣтѣхъ рыбу. Огорчася на большова сына Ивана, послалъ ево одново по дрова, а с меншимъ потащился къ свѣтѣмъ самъ, гораздо о томъ Христу докучаю. Егда пришли ино (л. 84) и чудно, и радостно обрѣли: полны свѣи напехалъ Богъ рыбы; свившихся влубомъ, и лежать с рыбою о середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «батюшко государь, рыба, рыба!» И азъ ему отвѣщалъ: постой чадо, не тако подобаетъ, но прежде поклонимся Господу Богу и тогда поидемъ в воду. И помоляся вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу, и паки построя свѣи на томъ же мѣстѣ, рыбу на силу домой оттащили. На утро пришли опять. столько же рыбы, и на третій день паки столько же рыбы; и слезно, и чудно то было время, а на прежнемъ нашемъ мѣстѣ ничево Пашкову не даетъ Богъ рыбы. Онъ же, исполняя зависти, паки послалъ ночью и велѣлъ свѣи мои в клочки изорвати, что петь в дуракомъ дѣлаешь. Мы, собравъ равныя свѣи (л. об.) в тай на иномъ мѣстѣ промышляя рыбку, кормились, от него таяся и здѣлали езь. Богъ же и тамъ сталъ рыбы давать. а дьяволъ ево научилъ и езь велѣлъ в тай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили и много того было. Богу нашему слава нынѣ, и присно и во вѣви вѣкомъ. Терпѣнїе убогихъ не погибнетъ до конца.

Слушайко старецъ: еще ходилъ я на Шакшу озеро к дѣтямъ по рыбу (отъ двора версть с пятнатцеть), тамъ с людьми промышляли. В то время какъ ледъ трѣснулъ, и меня напоилъ Богъ, и у дѣтей повладше рыбы нарту большую и домой потащилъ маленькимъ дѣтямъ (послѣ Рождества Христова), и егда буду на средѣ дороги — изнемогъ таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу тамъ не бываетъ, токмо морозы (л. 85) велики; ни огня, ничево нѣтъ ночь постигла, выбился из силы, вспотѣлъ и ноги не служатъ. Версть с восемь до двора — рыба повинуть и такъ побрести — ино лисицы развѣдаютъ и домашнїе гладны; все стало горе, а тащить не могу, потоща гоны мѣста, ноги задрожать, да и паду в ямке среди пути ницъ лицемъ что пьяной; и озябше вставъ еще попойду столько жъ и паки упаду, бился такъ много блиско полуночи, свиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую, тонкую тѣтяную бѣлую шубу и взлѣвъ на вершину древа — уснулъ повался. Пробудился ино все замерзло: и безгуби на ногахъ замерали, шубенко тонко и животъ озябъ весь. Увы Аввакумъ, бѣдная сирота, яко искра огня угасаетъ и яко не-

плодное древо посвяаемо (л. об.) бываетъ, толко смерть пришла. Взираю на небо и на сіяющія звѣзды, тамо помышляю Владыку, а самъ и прекреститися не могу, весь замерзъ; помышляю лежа: «Христе свѣте истинный, аше не ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавиши, нѣчева мнѣ стало дѣлать, яко чернь исчезаю. А се согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста пави к нартъ и на шею не помню какъ вложилъ лямку, опять потащилъ, ино нѣтъ силы, еще версты с четырь до двора понинулъ, и нехотя все побрелъ одинъ, тащился с версту, да и повалился, толко не смогу, полежавъ еще хошу побрести, ино ноги обмерали не смогу подымать, ножа нѣтъ базлуновъ отрѣзать от ногъ нѣчемъ; на колѣняхъ и на рукахъ ползъ с версту (л. 86), колѣни озябли не могу владѣть, опять легъ, уже дворъ и не само далеко, да не могу попасть, на гузнѣ по маленьку ползу носе-какъ и доползъ до своей конурѣ; у дверей лежу, проползти не могу же. Но утру уже ветами уразумѣвъ; протопыпца втащила меня бытто мертвое в избу; жажда мнѣ велика напоила меня водою разбожкни. Два ей горн бѣдой в избу стало: я, да корова немощная, — толко у насъ и животовъ было, — упала на водъ подъ тедъ; изломався умираеть в избу лежа; в дватцети в пяти рублехъ бѣ намъ пришла корова, робитнямъ молочна давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескъ прислала, и Пашиновъ на церковный (л. об.) обиходъ взявъ, мнѣ в то число корову ту было далъ, кормила с робиты годъ, другой бывало и с собою и с травомъ мочило тово хлебешъ; такъ легче на брюхъ. Плажавъ меня бѣднѣ с робиты, зарвала корову и потекшую кровь ис коровы дала найму коваку, и бѣвъ приволокъ мою с рыбою нарту. На обѣдъ я, едше, грѣхъ ради мѣнѣ, подавился (другая мнѣ смерть), с полчаса не дышавъ, валяонсь, прижавъ руки сидя, а не кушемъ подавился, но прѣсечу рыбки полежа в ротъ; — издохнувъ, вспомянувъ смерть, яко ничтоже человекъ в житіи семъ, а вродивъ в горло и бросилась, да и задала. Колотила много въ спину да и понинули, не вижу ужъ и людей; и памяти не стало, заво горло (л. 87), горло в то время было; ей горна смерть вродивъ челоуку. Дочь моя Атрѣйвна была невелика, плажавъ она меня глады много и нѣкто ея не училъ, — робеновъ проабжався, дохтѣшеи свѣини ударилась в мою спину и вродивъ печенье на горла рыгнуло и дышати стало. Боише промышляла надежною много и без боли. Божи не могли ничево дѣлать; а приказалъ Богъ робенку и онъ, Богомъ подвижаема, прерцаю от

смерти избавилъ (гораздо невелика была),—промышляетъ около меня бытто большая, яко древняя Юдиѣя о Израили, или яко Есвирь о Мардохѣе своемъ дядѣ, или Девора мужеумная о Вараце. Чюдно гораздо сіе, старецъ,—промысль Божій робенка наставилъ, пророва от смерти избавить (Л. об.). Дни с три у меня зелень горная из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить; сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался пред Богомъ совѣстію своею, что напоилъ меня среди озера водою, а то смотри Аввакумъ и робенка ты хуже. И дорогою было идучи исчезнулъ,—не величайся дуракъ тѣмъ, что Богъ сотворить во славу свою чрезъ тебя какое дѣло свое, прославляя свое пресвятое имя; ему слава подобаетъ Господу нашему Богу, а не тебѣ берному худому человѣку. Есть писано во пророчехъ, тако глаголетъ Господь: «славы своея иному не дамъ». (Сіе реченно о дже христахъ, нарицающихся Богомъ и на жиды неисповѣдающіа Христа Сыномъ Божиимъ). А индѣ писано: «славящія мя—прославлю». Сіе реченно о святыхъ Божіихъ; его же хошетъ Богъ (л. 88), того прославляетъ. Вотъ смотри, безумне, не самъ себя величай, но Бога ожидай, какъ Богъ хошетъ, такъ и стритъ; а ты су какой святой: изъ моря наполниа, а крошкою подавился, толко бѣ Божиимъ повелѣніемъ не робенокъ от смерти избавилъ и ты бы что червь—былъ, да и нѣтъ, и величаешься грязь худая: я су бѣсовъ изгонилъ, то, се дѣлалъ, а себѣ не могъ помощи, толко бы не робенокъ. Ну помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворить по милости своей, ему же слава.

XVII. Челобитная Симеона, архієпископа сибирскаго и тобольскаго царю Аленсію Михайловичу о злоупотребленіяхъ даурскаго воеводы Аѳонасія Филиповича Пашкова. 1658 года ¹⁾.

Царю государю и великому князю Аленсію Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Русіи самодержцу бьетъ челомъ твой государевъ богомолецъ Симеонъ архієпископъ сибирской и тобольской. Въ прошломъ, государь, во 165 году писалъ ко мнѣ твоему государеву богомолцу Аѳонасей Пашковъ, что въ Дауры посланъ воеводою, чтобы мнѣ твоему богомолцу послать въ Дауры попа бѣлово да дьякона, потому что дьякона бѣлова въ Братцкомъ острогѣ чудомъ Божиимъ не стало. А въ прошломъ, государь, во 164 году, по твоему государеву указу послалъ я ис Тоболска попа чернова да дьякона бѣлово, а Аввакумъ протопопъ, по твоему государеву указу, посланъ былъ вмѣсто бѣлово попа изъ Енисѣйскаго острогу съ нимъ Аѳонасьемъ Пашковымъ, а всѣмъ имъ троимъ, по твоему государеву указу, данъ былъ подмогъ, твое государево денежное и хлѣбное жалованье. А по-памъ, государь, съ женами и съ дѣтми ѣхать не мочно безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья, потому что путь дальшй. А съ Ляны, государь, и съ Байкалова озера и изъ иныхъ дальнихъ мѣстъ о понахъ бьютъ челомъ, чтобы мнѣ, твоему государеву богомолцу, ихъ поповъ посылать въ тѣ дальніе мѣста и имъ понамъ такожде безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья собою подняться не мочно, а въ прежніе, государь, времена, при прежнихъ архієпископехъ посылаемы были попы съ Москвы въ Сибирь, въ Тоболскъ, и имъ попомъ даванъ былъ болшей подмогъ, твое государево денежное и хлѣбное жалованье. А въ Дауры, государь, къ Аѳонасію Пашкову поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю, потому что онъ нравомъ

¹⁾ Московскаго архива Мин. Юстиціи, столбцы сибирскаго приказа, № 6564—509.

озорникъ великой: посланъ былъ изъ Tobолска на Лѣну къ церкви Божіи служить попъ Іаковъ, а Аеонасей Пашковъ былъ еще во Енисейскомъ при Иванѣ Акинѣевѣ, и онъ Аеонасей Пашковъ зазвалъ того Якова попа къ себѣ на судно, и билъ его на смерть своими руками, и онъ попъ Іаковъ отъ его Аеонасьевыхъ побой лежалъ недѣль съ шесть при смерти, одва ожилъ. Да вѣдомо мнѣ учинилось твоему государеву богомолцу: какъ онъ, Аеонасей Пашковъ, поѣхалъ изъ Енисейскаго острогу въ Дауры, и протопопа Аввакума билъ чеканомъ самъ своими руками, а после того его Аввакума протопопа тотъ Аеонасей велѣлъ бить вкнутомъ на козлѣ, а было ему протопопу на козлѣ ударовъ съ шездесять, да въ тожь время билъ его чеканомъ по головѣ, и голову у него всю испроломалъ, и Аввакумъ протопопъ отъ того убійства на многое время омертвѣлъ, а послѣ того велѣлъ его вкинуть въ студеную тюрьму, и сидѣлъ онъ, протопопъ Аввакумъ въ тюрьмѣ съ Покрова Пречистыя Богородицы всю зиму по его повѣздъ, какъ онъ Аеонасей и поѣхалъ изъ Брацкаго острогу въ Дауры, а вынѣча, государь, тотъ протопопъ Аввакумъ живъ или нѣтъ, того не вѣдаю, и я къ такому озорнику поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Русіи самодержецъ, пожалуй вели, государь, попомъ и дьякономъ, которые посылаютца въ Дауры и на Лѣну и на Байкалово и въ иныя далнія стороны давать свой государевъ подмогъ, денежное и хлѣбное жалованье, чтобы имъ попомъ мочно было съ женами и съ дѣтми своими до тѣхъ далнихъ мѣстъ доѣзжать и веди, государь, о томъ прислати свою государеву грамоту въ Tobолескъ въ городъ, въ сѣвзжую избу и во мнѣ твоему государеву богомолцу. Царь государь, смилуйся.

Грамота писана на двухъ столбцахъ, на обратной сторонѣ перваго столбца написано: Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Русіи самодержцу; нѣсколько ниже: приказалъ бояринъ князь Алексѣй Пивятичъ Трубецкой писати къ архиепископу, послати попа и дьякона съ Дмитреемъ Зиновьевымъ въ Дауры; назади втораго столбца: 166 г. генваря въ 11 день. Съ тоболскимъ Соевскаго собору протопопомъ съ Мееодиємъ.

XVIII. Черновой отпущкь царской грамоты Симеону. 11 февраля 1658 года.

Отъ царя и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца въ Тоболескъ богомолцу нашему Семіону архіепископу Сибирскому и Тоболекому. Писалъ ты къ намъ, великому государю: писалъ де тебѣ, богомолцу нашему изъ Даурь Аѳонасей Пашковъ, чтобъ тебѣ послать къ нему въ Дауры бѣлого попа да дьякона, и ты де, богомолецъ нашъ, въ Дауры къ нему, Оѳонасью, попа и дьякона послать не смѣешь, потому что Аѳонасей Пашковъ поповъ бьетъ и протопопа Аввакума билъ чеканомъ и кнутемъ, да и безъ нашего де денежного и хлѣбного жалованья попа и дьякона послать не лѣзъ въ мѣсто далее и сытымъ имъ быть нечѣмъ (*на оборотъ вставка*: и нынѣ по нашему великого государя указу посланъ въ Даурскую землю Дмитрей Зиновевъ, а Аѳонасья Пашкова отъ Даурскіе службы велено отставити). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ велѣлъ послать попа и дьякона (*вставка на оборотъ*: къ столнику нашему и къ воеводѣ ко князю Алексею Ивановичу Буйносову-Ростовскому да дьякомъ нашимъ къ Ивану Михайлову, къ Григорью Углеву, а отъ насъ великого государя къ нимъ письмо велено тому попу и дьякону дати наше жалованье деньги и хлѣбъ и соль на нынѣшней на 166 и впередъ на 167 годъ одно денежное жалованье въ Тоболску, а хлѣбное жалованье и соль на 167 годъ имъ дати въ Енисѣйскомъ остроге воеводе Максиму Ртищеву по ихъ окладомъ сполна. (*Вставка на оборотъ*: а какъ отъ тебя къ столнику нашему и воеводѣ ко князю Алексею Буйносову-Ростовскому и къ дьяку Григорью Углеву попь и дьяконъ присланы будутъ, и велѣно послати ихъ на Даурскую землю къ Дмитрею Зиновьеву тотчасъ). Писанъ на Москвѣ лѣта 7166 февраля въ 10 день.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки